

ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ПО ПЛОДАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ

А. КУШНИР

Кушнир А.

По плодам их узнаете их

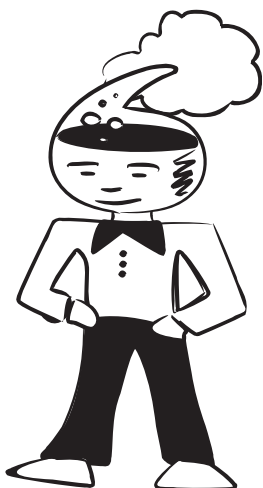
63 – 73

Этот актуальный материал написан после молодёжных радикальных выступлений на Манежной площади. Автор анализирует связь радикализации настроений в обществе с проблемами воспитания, с проблемами школы.

Что мы должны «узнать», всматриваясь в лица мальчишек, бунтующих на Манежной? Может быть, государственную политику в области воспитания?

События на Манежной площади — это прямое и закономерное следствие текущей политики и практики воспитания в стране! Видит ли руководство Минобрнауки прямую связь между тем, как мы воспитываем детей и молодёжь, и тем, что выплёскивается на площадях? Судя по предложению А.А. Фурсенко ввести «персональную ответственность учителей за поведение школьников», что-то наконец-то увидело, но исключительно под своим углом зрения...

Мы много раз излагали на страницах журнала нашу позицию, обращались к руководителям ведомства, предлагали конкретные меры и стратегии, предупреждали о неизбежной маргинализации и радикализации молодёжи в условиях подмены собственно воспитания «воспитывающим обучением», моральными проповедями, мероприятиями, акциями, лидерскими тусовками, раздачей футболок с электоральными надписями и прочим «дополнительным» образованием. Однако за 10 лет настойчивых попыток инициировать в Минобрнауки эффективную «воспитательную линию» — только одну из возможных, имеющих право на существование, нам не удалось сдвинуться ни на йоту. Теперь же выходит, что мы один в один предсказали массовое одичание молодых, накачанных и порой хорошо обученных бездельников, подвергнутых воспитанию по рецептам «новых классиков», которым ни Карл Маркс, ни Антон Макаренко не указ. А несколько лет назад мы писали о небольших тогда ещё стаях изнывающих от безделья подростков,

примеряющих свою удаль к припозднившимся одиноким прохожим да неспособным постоять за себя бомжам.

Напомним Министру, ловко назначившему учителей ответственными за «государственную политику в области воспитания», нашу предельно простую «позицию им. А.С. Макаренко».

У детей с 10 лет и старше должно быть дело, они должны быть увлечены и заняты делом с утра до ночи. Безделье — прямой путь в «фанаты» и прочие тусовщики и маргиналы. Воспитание в процессе учёбы и на учебной инфраструктуре — это пустые хлопоты. Психологическое содержание учёбы не даёт той полноты жизни, которая нужна для полноценной огранки человеческой натуры. Учёба имеет воспитательные эффекты, но процесс воспитания не совпадает и не сливается с ней. Для воспитания нужна специальная воспитательная инфраструктура — «гимнастический зал» для привычек и поступков. Такую инфраструктуру надо проектировать и строить.

Важнейшим содержанием жизни является труд. Поэтому составной частью инфраструктуры воспитания должно быть педагогически организованное производство. Поскольку воспитывает только образцовый труд, это должно быть высокотехнологичное, наукоёмкое, сверхрентабельное и хорошо организованное производство. Такое производство приносит прибыль, поэтому производственная часть инфраструктуры воспитания способна окупать себя и развиваться. Её можно создавать не только на затратных, но и на инвестиционных основаниях.

Вывод: надо поддерживать и возвращать практики производственного воспитания. На основе действующих в стране школ-хозяйств надо создать сеть школьных инновационных минитехнопарков, на которых отработать общегосударственный стандарт производственного воспитания в общеобразовательной школе. А также — законодательно решить вопросы о реализации права детей на добровольный и привлекательный для них труд, и о гарантированном государственно-муниципальном заказе на производственную продукцию школ.

Детская и молодёжная безработица обойдётся всем нам много дороже, чем безработица взрослых. Мы сформулировали в своё время проблему так: лучше финансировать рабочие места для детей, чем места не столь отдалённые.

Наша позиция — предельно конструктивна. Она не тонет в словоблудии и прекраснотушии. Она точно отвечает на вызовы времени и установки «партии и правительства» — ВВП удвоить, на инновационные рельсы перейти, конкурентоспособными стать и т.д. Но эта позиция на протяжении десятка лет сталкивается с полным равнодушием и бездейтельностью Минобрнауки на воспитательном направлении.

Мы долго строили догадки, в чём тут дело? Не понимают, не хотят, не разбираются, не могут, не любят «Народное образование», не любят главного редактора... и т.п.?

27-го декабря министр навсегда избавил нас от терзаний: главного редактора — просто не знают, «Народное образование» — не читают... И на самом деле — банально не понимают, не разбираются! Только сейчас, на фоне потрясения от детского лепета властей в связи с «недетскими» погромами, нам пришло в голову заглянуть в нормативные документы Минобрнауки. Чем же руководствовалось ведомство и министр, когда сталкивались с назойливыми активистами «воспитания» типа «Народного образования»? Такой ракурс оказался полезным ещё и в связи с продолжающейся работой над новым федеральным законом об образовании.

Не станем воспроизводить здесь диапазон комментариев случившегося в СМИ до 27-го декабря. В них не было главной причины событий: на протяжении двух десятилетий в стране не существовала государственная политика в области воспитания, а та разрозненная практика, которая в стране есть, была выстроена, преимущественно, на ошибочных теоретических основаниях. В итоге, мы имеем дело с тотальной невоспитанностью целого поколения.

Ещё до выступления А.А. Фурсенко в Госсовете в редакцию пришло письмо с просьбой передать его А.А. Фурсенко. Редакция — не лучшее почтовое отделение, но тема письма просто «легла» на наш затянувшийся «диалог» с Минобрнауки о проблемах, стратегии и практике воспитания.

Здравствуйте, Андрей Александрович!

Вчера услышала в итоговых новостях комментарий Фурсенко С.А — руководителя футбольного союза — по поводу субботнего погрома. Его позиция — «я не я, и лошадь не моя» — меня, честно говоря, возмутила. Как это, они — вне политики! Задело. И сразу же захотелось узнать позицию другого Фурсенко — Министра образования и науки, министерства, определяющего ориентиры и практику воспитания в стране. Стала искать в Интернете Ваш, Андрей Александрович, комментарий по поводу молодёжи, которая вышла с ножами и топорами на улицу. Не нашла... Разве случившееся Вас не касается? Разве Вам нечего сказать? Вы разве не знаете, что подавляющее большинство погромщиков — школьники? Это странно, что Вы молчите... Может, Ваше министерство не считает эти события к себе относящимися?..

Вы не ездите в метро и на пригородных электричках, и, возможно, не знаете, что поведение футбольных фанатов у нас ещё вчера стало «большим» вопросом. Для меня эти «болельщики» давно уже ассоциируются с бандитами и грабителями. И есть такое чувство, что если кто-то из них и не смог принять участие в субботних погромах и избиениях ни в чём не повинных людей, то, убеждена, потенциально был к ним готов.

Я живу в полчаса езды от центра Москвы на электричке. Мои встречи с футбольными болельщиками случались по дороге на игру или после. Эмоции людей в шарфах с символикой трудно описать в понятиях здравомыслия. Лет семь назад я впервые увидела их на платформе Новогиреево. Как разъярённые шимпанзе они наскakивали на электричку, били руками по окнам, орали как обезьяны в лесу, и плевали на людей рядом. Слава Богу, их «радость» и большое возбуждение тогда никого физически не задела. Но внутреннее ощущение опасности у меня с тех пор возникает... На городских улицах они дико орут и никого не уважают — почему?.. Почему великая страна и великий народ позволяют им так себя вести?..

Год назад я имела несчастье ехать от Павловского Посада до Железнодорожного в соседнем вагоне с засевшими там фанатами. Ещё когда входила в вагон на станции, обратила внимание на крики из соседнего вагона и ушам своим не поверила: чёрные, вон из России! Вагон с фанатами был весь в спартаковских растяжках, парни с бутылками пива в руках орали, дружно раскачиваясь в стороны. Баяниста, которого угораздило в этот поезд влезть, чтобы петь по вагонам, они заставили десятки раз повторить «Катюшу». Рёв пьяной толпы тогда заметно деморализовал всех. Потом были марши по вагонам с речёвкой, смысл которой сводился всё к тому же: чёрные, вон из России! Такой боевой марш: гвардия ходит по вагонам в поисках недетских подвигов — бить людей кавказской национальности. Одного поймали и били гуртом, мы слышали только, как кто-то скулит. Потом в наш вагон вырвался человек — кавказец — с вытаращенными глазами и разбитым лицом. Побежал по вагону в конец поезда. Одна из женщин пошла к кнопке «милиция», её остановил парень из соседнего «купе»: «Не надо! Будет только хуже!» Она: «А вы что, ждёте, когда они убьют кого-нибудь?». Парень: «Я вам честно говорю, не делайте этого! Я знаю, будет только хуже!» Для фанатов милиция — повод разгромить всё? Правоохранительные органы им не указ и не закон!?! В гробовом молчании женщина села на место. На одной из остановок на платформу, где ничего не подозревавшая торговка разложила товар (российская национальная атрибутика: флажки с гербом, платки трёхцветные, кружки, что-то там ещё), молодчики похватили у неё всё, что могли взять в руки. Одуревшую женщину толкали как мячик между собой. Вроде она и неробкого десятка,

но поняв, что никто ей не поможет и справедливости ждать неоткуда, стояла с полными слёз глазами перед вагоном и просила: отдайте, мальчики! Мальчикам было от 13 до 20 с лишним. Я не слышала и не видела, чтобы хоть один из этой толпы призвал остальных к порядку.

Когда однажды я случайно попала в Лужники во время выхода болельщиков после игры, то испытала безотчётный страх. В метро стояли люди в боевой амуниции, в касках и со щитами. То же самое на улице: шеренгами экипированные омоновцы. Сквозь этот строй длинной пёстрой змейй проходила толпа фанатов. Я шла сбоку с сыном 17 лет и с беспокойством думала, что, не дай Бог, в этот момент где-то «вспыхнет спичка».

Сейчас у футбольных фанатов случился трагический повод для большой войны. Я недоумеваю: что за каста такая в России — болельщики, что перед ними считается обязанностью для руководителя ГУВД выйти и отчитаться о ходе следствия!? Почему никто не отчитывается публично о ходе следствия перед близкими людей, которых убили или сделали инвалидами на улицах Москвы? Вы можете себе представить родственников покалеченного таджика, которые дошли хотя бы до полковника?

Я пишу это письмо из чувства глубокого неудовлетворения тем, что происходит в моей стране в странной связке: спорт и нацизм. Посмотрите, как гарцующая орда в шарфах со спортивной символикой крушит всё кругом! Руководство образования и спорта проспало момент, когда поклонение подростков футболу стало болезнью, когда дошло уже до массового беспредела. Вы же должны понимать, что на самом деле выращено сегодняшним «спортивным воспитанием»! Даже если в толпе погромщиков и были радикалы с нацистами, то их мало. Эти — люди с убеждениями, хотя и ублюдочными. И они — тоже продукт воспитания, за которое Вы должны отвечать. Большинство же — безголовые «болельщики», готовые разорвать всё и вся, дай только повод.

Я Вам написала, чтобы Вы задумались: что-то не то с фанатскими клубами и с их «воспитательной работой». Что-то не то с воспитанием в нашей стране, если такие массы молодых людей способны мгновенно превращаться в животных. Если распоясавшиеся дети становятся угрозой обществу (поддержкой и поводом для худших провокаций), надо найти, как и куда направить эту энергию в мирных целях.

Я не уверена, что мне нужен Ваш ответ. Сделайте что-нибудь правильное для воспитания.

Желаю Вам успехов в действительно полезных делах.

С уважением, Светлана.

Будем надеяться, что министр прочтёт это письмо и действительно задумается. В том числе и о том, почему отраслевое ведомство годами в упор не видит и не слышит предложения общественных организаций по острейшим проблемам воспитания. На одном только нашем счету десять лет разработки темы и постоянных обращений.

Итак, мы обратились к основным документам, регламентирующим работу отрасли на воспитательном направлении, пытаюсь осмыслить невосприимчивость ведомства к этой проблематике. Что оказалось? Мы могли бы сказать, что погромы инородцев в Москве иллюстрируют провал государственной политики Российской Федерации в области воспитания, если бы такая политика у нас была. Но её не было! Лучший способ убедиться в этом — изучить официальный сайт Минобрнауки.

В структуре ведомства есть Департамент воспитания и социализации детей!

Согласно Положению, Департамент «обеспечивает осуществление Министерством функций по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере: воспитания (в том числе развития инновационных моделей поликультурного воспитания) и дополнительного образования детей; образования детей-инвалидов, детей с ограниченными возможностями здоровья, детей с девиантным

(общественно опасным) поведением; опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан; обеспечения безопасной деятельности обучающихся, воспитанников образовательных учреждений и профилактики асоциального поведения несовершеннолетних; социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений, а также по оказанию государственных услуг в сфере воспитания». Далее перечисляются многочисленные обязанности Департамента «в установленной сфере деятельности», и прямое указание на воспитание встречается ниже ещё один раз: департамент «разрабатывает и осуществляет совместно со структурными подразделениями Министерства, заинтересованными органами государственной власти, общественными объединениями и организациями систему мер по повышению воспитательного потенциала образовательного учреждения», а также «по развитию...», «выявлению...», «поддержке...», «обеспечению...», «совершенствованию...», «профилактике...», «защите...», «координации...» и т.д. во всех остальных сферах деятельности, перечисленных выше.

Из перечисления зон ответственности нельзя понять, какое место в этом ряду занимает воспитание. Логично было бы предположить, что наряду с социализацией это системное, родовое понятие, объединяющее в себе всё перечисленное. Однако этот конгломерат ответственностей и направлений нельзя уместить в корзине воспитания или в сетке социализации. Например, понятийное поле «Закона об образовании» вкладывает воспитание внутрь образования, а «департамент воспитания» отвечает за разные виды дополнительного и специального образования. Подобная терминологическая «лёгкость» уместна в документе «районного масштаба», но не в регламентах федерального ведомства, которые транслируют её на все уровни системы. Из данного конкретного документа ясно, что воспитание рядоположено с перечисленными прочими «заботами» департамента. Хотя в списке воспитание стоит первым, оно не является ни родовым, ни системным, ни главным... и просто теряется среди прочих хлопот.

В документе нет указания на то, что является собственно воспитанием. По сути, не определён предмет усилий Департамента. Нет здесь и каких-либо указаний на то, где заканчивается воспитание и начинается социализация. По поводу диапазона ответственности департамента нет возражений. Но трудно согласиться с тем, что дополнительное образование, удовлетворение образовательных потребностей детей с особенностями в развитии и проблемами здоровья, обуздание девиантных детей, решение задач опеки, попечительства, защиты, профилактики, безопасности, поддержки и т.д., это и есть воспитание. Мы видим здесь перечисление существующей проблематики и намерение её сопровождать, но это не функционал активной воспитательной политики.

Все понимают, что любая деятельность имеет воспитательные эффекты. На что же делает ставку Минобрнауки? На научно обоснованную систему работы, в которой есть внятное целеполагание, специальная инфраструктура, технология и обратная связь по результатам? Или на случайную совокупность воспитательных эффектов? Судя по документу, регламентирующему деятельность специализированного департамента, нет ни научного основания, ни внятного целеполагания, ни системы работы!

Это случайность? Или закономерность? Это непонимание специфики процесса воспитания и его отличий от обучения? Или это такое понимание и такая позиция специалистов Минобрнауки? Или это недоступный для нас уровень понимания вопроса? Как бы там ни было, нам не удалось обнаружить признаки или следы существования государственной политики в области воспитания там, где эту политику по определению должны разрабатывать и воплощать.

Может быть, руководящую роль и вместе с ней «политику государства в области воспитания» можно обнаружить в текущих документах и нормативных актах отраслевого министерства? На сайте Минобрнауки тысячи документов, так или иначе примыкающих к проблематике воспитания. Но их содержание свидетельствует о том, что для ведомства воспитание как самостоятельный феномен, процесс, категория не существует.

Минобрнауки говорит «воспитание», а подразумевает образование, обучение, информирование, физкультуру, досуг, защиту, оздоровление и другие важные процессы, имеющие, разумеется, воспитательные эффекты. При этом в досуге, оздоровлении, спорте, обучении и т.д. подразумевается достижение конкретных, поддающихся описанию, результатов. И совершенно ясно, кем и каким образом эти результаты будут достигнуты. А о результатах воспитания и механизмах их достижения — только общие места. Минобрнауки чувствует, что оно где-то есть, это воспитание, но ухватить его системно не может...

Примером понимания ведомством того, что такое воспитание, является определение воспитания в проекте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в подготовке которого оно не могло не принимать участия. Здесь воспитание — это «специально организуемая в системе образования деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества, государства».

Попытаемся проникнуть в значения, которые здесь заложены.

Прежде всего, государство оговаривает свою ответственность только за то, что оно «специально организует в системе образования». Это удобно: можно отчитываться за «специально организованные» процессы и мероприятия, и не нести ответственности за то, что организовано другими. При этом достижения можно числить за деятельностью, «специально организованной в системе образования», а разные там бесчинства «болельщиков» и прочих фанатов или тех же национал-радикалов, — списывать на все другие воспитывающие влияния вне системы.

Таким образом, в проекте федерального закона достаточно явно отражено самоустранение государства из сферы воспитания. Но государство не может оставлять в своём ведении только «ведомственную» часть воспитания. Воспитание — это не ведомственная категория и ответственность, а задача общества и государства в целом, значит, должна существовать государственная политика в области воспитания! А это априорный охват всех сфер жизни человека и общества, в которых имеется потенциал воспитательного воздействия, ведь воспитывает не только то, что специально организуется. У этой деятельности должен быть методологический и организационный центр. Таким центром может и должно быть Минобрнауки. Но оно, судя по основополагающим документам, таковым себя не чувствует, что особенно ярко проиллюстрировал А.А. Фурсенко, найдя «крайних» не среди министров, а из числа «взрослых, с которыми учащиеся общаются больше всего».

Ещё один терминологический оборот, обнажающий понимание специфики и самоценности воспитания образовательным ведомством — это его увязывание с категорией «развития». Воспитывать — это не одно и то же, что развивать.

В определении одновременно фигурируют и «личность», и «человек». Но личность не одно и то же, что человек. Воспитывают ребёнка, человека в целом, а не только то, что скрывается под понятием «личность».

В определении использованы понятия самоопределения и социализации. Совершенно неясно — они раскрывают, расширяют или дополняют смыслы воспитания? Но они рядоположены с воспитанием и сами нуждаются в определении. И государство вновь делает акцент на том, что имеет дело только с «обучающимися» — с теми, кто охвачен процессами, «специально организованными» в системе образования. Вышел ребёнок за пределы «системы образования», и он уже не «обучающийся», это уже не наша, мол, «лошадь» и юрисдикция. Какая уж тут «государственная политика»!

В определении названы социокультурные и духовно-нравственные ценности воспитания. А какие есть ценности воспитания, которые нельзя свести к названным? Если таковых нет, то употребление этих слов в столь общем определении избыточно. Если

таковые есть, их исключение из воспитательного арсенала надо обосновывать или избегать формулировок с неопределённой семантикой.

Наконец, надо сказать, что не все принятые в обществе правила и нормы достаточно хороши для усвоения, и что существенная доля социо-культурных и духовно-нравственных ценностей нашего народа противоречит иерархии, в которой на первое место поставлен человек, а не наше отечество, наш народ, наша культура, наше государство.

Таким образом, данное определение воспитания в федеральном законе не может нас устроить, также как и объём внимания к нему в тексте закона и в ведомственном документообороте.

Простое сопоставление числа фраз, в которых говорится или подразумевается обучение, с числом фраз о воспитании свидетельствует о подавляющем преобладании «логики учебности». Нам могут возразить, указав на то, что понятие «образование» включает в себя все смыслы воспитания. Во-первых, не включает.

Во-вторых, достаточно взглянуть на широко применяемые критерии качества образования и содержание аттестационных процедур, чтобы убедиться: в практике образования образованность трактуется как обученность. Качество и результаты образования раскрываются исключительно через учебные достижения. Поэтому, если без лукавства, никаких смыслов воспитания в семантике слова «образование» и в практике образования нет. А его использование в качестве коренного отраслевого понятия также способствует минимизации воспитательной составляющей в образовательной политике. Люди, занимающиеся образованием, отвечают за образованность. Интуитивно понимаемые смыслы «образованности» — это смыслы знаниевые, навыковые, учебные, даже иногда интеллектуальные, но далеко не нравственные, не духовные, не поведенческие... Ведомство у нас образовательное, и отвечает оно за образованность, за обученность, но не за воспитанность.

Самая «сквозная» небрежность в проекте закона — слово «обучающийся». Трудно себе представить, чтобы кто-нибудь из прошлых министров, взять хотя бы Прокофьева, Веселова, стал бы использовать такое слово. Это были высокообразованные, в подлинном смысле слова — просвещённые — люди. Почему слово «обучающиеся» не режет слух современным министрам и прочим «образовательным политикам»? Почему надо воспитывать обучающихся, а не детей, не школьников, не учеников, не учащихся, наконец? Почему надо использовать корявое слово, которого нет ни в одном авторитетном словаре русского языка? На самом деле даже этот терминологический казус вымывает воспитательные смыслы из закона.

Можно разобрать на «части речи» каждый абзац законопроекта. И в каждом найдётся «сырость». По нашему мнению, формулы закона должны создаваться научными методами и специалистами высокой квалификации, проходить процедуры научной экспертизы и научного обсуждения! Выставлять на всеобщее обозрение сырые и противоречивые силлогизмы нельзя. Уже не девяностые! Это — дискредитация и российской науки, и образовательного ведомства, и государства в целом. Во всяком случае, это дискредитация намерений государства в области воспитания.

Есть ещё один источник информации о месте воспитания в системе приоритетов Минобрнауки. Это структура расходов по ФЦПРО, КПО и другим программам. Чтобы посчитать долю запланированного и потраченного на собственно воспитание, её надо вначале найти и разглядеть. Хорошо, если она составит хотя бы 1% от затрат на учебную инфраструктуру и на «обученность».

Ну, а что же наука?

Наиболее качественным и амбициозным текстом по проблематике воспитания является «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Это попытка восполнить концептуальную и методологическую пустоту, сложившуюся в области понимания роли, места и значения воспитания. В ней очерчено смысловое и проблемное поле воспитания в современных условиях, есть чёткое

указание на то, что главным субъектом воспитания является система образования. Но даёт ли этот документ старт государственной политике в области воспитания?

Во-первых, документ носит декларативный, описательный характер, в нём широко представлено желаемое в жанре благих намерений, но нет механизмов его достижения. Во-вторых, «желаемое» описано в устаревшей логике морального кодекса строителя коммунизма и всестороннего развития личности и оно необъятно. В-третьих, законопослушность авторов не позволяет им выйти за пределы ограничений действующего закона. Получился конъюнктурный, а не научный документ. В него из закона перекочевал невнятный понятийный аппарат, в качестве объекта воспитания фигурирует всё тот же «обучающийся», воспитание раскрывается через «развитие», реализуется через обучение, появляется воспитание вне системы образования, но оно рассматривается не в качестве зоны ответственности образовательного ведомства, а в качестве поля взаимодействия и социального партнёрства. Таким образом, в очередной раз утверждается подход, позволяющий Минобрнауки не отвечать за результаты воспитания в общенациональном формате. В частности, не отвечать за появление «больных» фанатов и их бесчинства.

Из концепции следует, что хорошо бы нам иметь общенациональную систему воспитания. Но совершенно неясно, кто и когда её создаст. Что хорошо бы нам скоординировать и консолидировать все воспитательные ресурсы общества и государства. Но неясно, кто это осуществит. Однако специальная инфраструктура воспитания не нужна и не предполагается. По умолчанию в качестве инфраструктуры воспитания остаётся инфраструктура учебная. Из этого автоматически следует, что главным методом воспитания по-прежнему будет «метод моральной проповеди», высмеянный ещё А.С. Макаренко.

То есть всё будет по-прежнему: основные инструменты массовой инфантилизации молодёжи — «зона ближайшего развития», делающая детей несамостоятельными, «ведущие виды деятельности», среди которых нет труда, «теоретическое содержание обучения», отрывающее обучение от жизни и производства, «воспитывающее обучение», создающее видимость, что все всех воспитывают, и «школа голой учёбы», как закономерное следствие всего предыдущего, остаются в строю и продолжают массовую инфантилизацию детей и молодёжи, тихо стирая Россию с геополитической арены. Это — святое! В целях консервации сложившегося в стране положения дел с «политикой в области воспитания» и в целях дальнейшего уничтожения национального духа трудно придумать концепцию лучше. Другими словами, она толково написана, но работать не будет! В ней нет методологии действия, нет организационного плана, нет ресурсной базы, нет механизмов самоорганизации, нет научно обоснованных алгоритмов и моделей включения и разворачивания личностного ресурса каждого человека.

Авторы очень точно определили самый проблемный узел — ровно то, что разорвалось на Манежной площади в Москве. Концепция детально раскладывает проблематику национального самосознания и перечисляет правильные ориентиры: что должно. Но все эти рассуждения не имеют смысла, потому что не решён и даже не назван главный вопрос — вопрос о русском народе, о русских. Вопрос о русской государственности нельзя вот просто так «промолчать». Если этот вопрос умалчивается, он решается полицейскими методами. А все мы — сидим на ящике с динамитом, который периодически обязан взрываться. Очередной такой взрыв мы все на днях пережили. Этот вопрос страшно трогать, но его придётся решать. Решать прежде всего научно, затем — политически и организационно. Его решённость означает спокойствие всех русских и нерусских в нашей стране. Его нерешённость — это постоянная угроза для всех нас. В его решении заинтересованы прежде всего наши национальные регионы.

В таких трудных делах важна не риторика, а точное знание законов, по которым формируется, живёт, развивается и разрушается в личности чувство принадлежности к различным «мы», в том числе её идентичность. Авторы концепции делают важный

акцент на исторической преемственности национальных воспитательных идеалов. Не менее важной является историческая преемственность национального самосознания. Русское национальное самосознание исторически сложилось как имперское — поликультурное изначально. Сворачивание исторически многонационального и поликультурного русского, изначально признающего «всех разных» своими в «чисто русского» — это и есть безголовая эскалация «русского фашизма». Этот вопрос нуждается в глубокой научной отработке на основе исследований специалистами и точного знания. Только тогда будет ясно, что с этим делать в воспитательном плане.

Мы позволим себе, однако, полемизируя с концепцией, высказать гипотезу о «ключевом решении» национального вопроса.

Психологическая конструкция уважения к различиям, к другим народам и культурам, опирается вовсе не на знания о различиях и других культурах, а на фундамент собственной культуры в присвоенных, внутренних формах. Недостаточная укоренённость человека в собственной культуре, незавершённость самоидентификации — вот источник чувства неполноценности, неудовлетворённости, ущемлённости. Этот комплекс «культурной недостаточности» и создаёт в человеке готовность к агрессии по отношению к «другому». Причиной агрессии оказывается, таким образом, банальная невоспитанность, а не издержки, слабость какого-то особенного «поликультурного воспитания». Отсюда следует, что ставку надо делать на полноценное национальное воспитание.

В содержании национального воспитания есть все необходимые алгоритмы поведения по отношению к представителям других культур. Комплекс обычаев по отношению к гостям и поведения в гостях у кавказских народов — это целая энциклопедия ритуалов и обязательств. Все они построены на понятиях чести и уважении. Когда говорят о «лицах кавказской национальности», отвязно ведущих себя в Москве, то по-умолчанию имеют ввиду, что «они» не уважают местные обычаи, и что их недовоспитали в поликультурном плане. Это — грубая ошибка. Эти «лица» недовоспитаны именно в смыслах национального воспитания. Ни один «кавказец», уважающий себя, отвязно вести себя не станет ни дома, ни в гостях. Так же как и русский, татарин, якут, если у него воспитаны честь и самоуважение, он не может оказаться среди тех, кто станет участвовать в групповом избиении кого-либо по «национальному» и любому другому признаку. Мало того, каждый, по-настоящему воспитанный чеченец, аварец, лезгин, абхаз, грузин, армянин, осетин, якут, бурят, эвенк, украинец, русский и далее по списку, рискуя собой, пойдёт даже против своих, но не позволит творить бесчинства. Поэтому главный вопрос не в соотношении национального и поликультурного, а в наличии и отсутствии просто воспитания — общего или национального, что, впрочем, одно и то же. Поэтому первое средство от любых форм недостойного поведения и дома, и в гостях — это полноценное воспитание на домашней, национальной почве.

Одна из причин «культурной недостаточности» — хроническое неблагополучие культуры. Чтобы минимизировать риски межнациональных конфликтов, надо «ставить» качественное национальное воспитание, что, в свою очередь, требует полноценного функционирования национальной культуры. Национальная недовоспитанность, это ни что иное как общая невоспитанность!

Давайте посмотрим, как авторы общенациональной концепции воспитания обобщили с русской национальной культурой? Таковая в концепции не упоминается. В тексте внятно говорится об «этнических культурах многонационального народа РФ». Далее можно оглашать весь список субъектов «народа РФ». Место русской культуры и русского народа, надо полагать, в этом списке, среди «этнических культур». В компании все родные и близкие. Любой настоящий русский от седьмого колена в этой компании. И совершенно правильно включить русскую культуру в число «этнических». В то же время, совершенно очевидно, что русская культура имеет явные отличия от большинства «этнических» культур. Прежде всего своим поликультурным содержанием, а потому, возможно, должен существовать и другой список.

Здесь же в концепции фигурирует «общенациональная, общероссийская культура на основе русского языка». А это что такое? А это и есть старательно маскируемая русская культура! От кого Вы её маскируете? От якута? От татарина? Кого она может ущемить? Она давно уже устоялась среди своих и родных татар, своих и родных якутов, и так далее по списку! Она давно уже ущемила, кого смогла. И давно уже пережила ущемления в ответ. И давно забыла обо всех ущемлениях. Нельзя с такой лёгкостью обращаться с тысячелетней историей русского государства и русского народа.

Вот мы и подошли к главному: где в Концепции полноценное функционирование русской национальной культуры? И где качественное национальное воспитание русских детей? В стране, где более 85% детей живут и воспитываются в русской культуре вы хотите «проскочить» с «общенациональной культурой на основе русского языка»? Покажите нам бурята, который не понимает, о какой культуре идёт речь. А если Вы понимаете, что «он понимает», то для кого это лукавство? Как далеко в столь серьёзном вопросе можно уехать на лукавстве?

Авторы концепции понимают всю сложность «русского» вопроса и потому уходят от его постановки и решения. Но такие вопросы сами собой не рассасываются. Они остаются и набирают вес нерешённости. Надо работать над концепцией дальше и не избегать трудных вопросов.

Авторы упоминают также «политику толерантности». Эта политика в наших условиях приведёт к «поножовщине». Принцип исторической преемственности требует однозначной переориентации на «воспитание уважения», а не терпимости, снисходительности или безразличия. Все русские подданные давно научились уважать друг друга и различия между собой. Если бы этого не произошло ещё вчера, то и не было бы России в её современном геополитическом измерении.

Другим уязвимым местом в концепции является её привязка к учебным и околоучебным практикам. По замыслу авторов, «духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся должны быть интегрированы в основные виды деятельности обучающихся: урочную, внеурочную, внешкольную и общественно полезную...». Далее раскрывается характер воспитательного взаимодействия педагога и ребёнка, а также источники воспитательного содержания. Преобладает «знаниевая», «вопросно-ответная» логика учебности. Но такая логика и такая практика не могут научить ни уважению различий, ни трудолюбию, ни любви к родине, ни семейным ценностям... Этим качествам нельзя научить! Их можно только воспитать.

Воспитание имеет дело со всеми теми человеческими качествами, которые нельзя сообщить, выучить, узнать и т.д. Эти качества можно выработать, привить, воспитать. Это и есть принципиальная разница между обучением и воспитанием. К сожалению, авторы говорят «воспитать», а имеют в виду «научить», равно как и А.А. Фурсенко рассчитывает решить проблемы воспитания путём «введения в школах дополнительного урока, во время которого несовершеннолетним будут рассказывать, как себя вести».

Под самый занавес тем не менее звучит принципиально важное для нас позитивное развитие темы: «Духовно-нравственное развитие достигает содержательной полноты и становится актуальным для самого обучающегося, когда соединяется с жизнью, реальными социальными проблемами, которые необходимо решать на основе морального выбора». И далее авторы говорят о важности «добровольного и посильного включения обучающихся в решение реальных социальных, экологических, культурных, экономических и иных проблем семьи, школы, села, района, города, области, республики, России». Подобные «добровольные и посильные» включения «реальности» были и есть повсюду, где были и ещё остаются педагоги, искренне увлечённые реальным интересным делом, своей увлечённостью втягивающие и детей в это дело. И что удивительно, именно реальное дело, которым дети искренне увлечены, оказывается воспитанием точного действия. Там, где есть настоящее дело, нет потребности в воспитании, как «педагогически

организованном целенаправленном процессе развития обучающегося как личности и гражданина...». Такому — особо точному — воспитанию в концепции отведён один абзац.

Таким образом, научное осмысление проблем воспитания по-прежнему крепко сидит в цепях «учебности». «Школа голой учёбы», «школа ума», «школа знаний»! Сколько лет нам ещё скитаться по «педагогической пустыне», чтобы выветрить эти роковое заблуждения: что Закон Божий можно выучить, что к жизни можно подготовиться учась, что подготовка к жизни с помощью учебных суррогатов может заменить саму жизнь! Ребёнок живёт здесь и сейчас! Лишь полнота и естественность его жизни здесь и сейчас дают ему навыки для полноценной взрослой жизни.

Нам нужна качественная, научно обоснованная, эффективная политика в области воспитания. Нужна концепция, понимание которой не требует научной степени и нескольких часов напряжённой работы. Такая, которая даёт полное и ясное представление об источнике, ресурсах, ответственных, направлениях, механизмах реализации и причинах эффективности. Нужна принципиально «культурно-ориентированная» концепция воспитания, построенная на понимании, что культуре нельзя научить. В культуре можно жить, в культуру — вращаться, вживаться. А это значит, что для воспитания нужны культурные практики.

Итак, воспитание через культурные практики, в том числе практики в материальной культуре, — вот интересная альтернатива воспитанию методом «образования» или «моральной проповеди».

Что показал наш экскурс в основополагающие документы? Действительно, в стране нет государственной политики в области воспитания, нет понимания специфики процесса воспитания и его отличий от обучения, образования, развития и т.п. Это очевидно связано с тем, что в стране просто нет современной педагогической теории, а педагогическая квалификация «эффективных менеджеров» в области «образовательной политики» оставляет желать лучшего.

Если в стране нет национального воспитания, нет государственной политики в области воспитания, то радикализация молодёжи по нацистскому или криминальному сценарию — дело закономерное. Наша конструктивная альтернатива наращиванию численности ОМОНа и мест в колониях — решение проблемы детской занятости, в том числе производственной. И особо подчеркнём: не проблема досуга, а проблема занятости является ключевой проблемой воспитания. Детско-взрослое образовательное производство в каждой школе даст нам десятикратное снижение числа бездельников среди подростков. При этом мы имеем в виду не профориентацию, не освоение профессий, не экономическую выгоду, а общепедагогические воспитательные эффекты. Детско-взрослое образовательное производство — это «гимнастический зал» для тренировки самоуважения, воли, ответственности, трудолюбия, уважения к различиям и всего остального, что нельзя «выучить», а можно только воспитать.

